

Аслан ЧЕХОЕВ:

Наши художники не свободны. Пока...

ИЗВЕСТНЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР НАДЕЕТСЯ, ЧТО РОССИЙСКОЕ ИСКУССТВО «ДОГОНИТ» ЗАПАД

Летом Новому музею исполняется три года. Хотя музей и молодой, петербуржцы, интересующиеся изобразительным искусством, уже к нему привыкли.

О современном искусстве, об особенностях культурного пространства Петербурга корреспондент «ВП» Татьяна КИРИЛЛИНА беседует с создателем и владельцем первого публичного частного музея современного искусства в Петербурге бизнесменом Асланом Чехоевым.

ВЛАСТИ ЛЕГЧЕ ЗАКРЫТЬ ВСЕ, ЧЕМ ВСТУПАТЬ В ДИАЛОГ

— Насколько изменилась ваша жизнь с появлением музея?

— Мы интенсивно работаем, сделали около 15 проектов за три года, некоторые из них очень высокого музейного уровня, по полгода собирались работы из крупнейших музеев — Третьяковской галереи, Русского музея. Я имею в виду выставки Евгения Михнова-Войтенко, художников арефьевского круга. Если учитывать, что я еще и работаю — днем там, вечером здесь... но я не жалею, совсем наоборот. Сам выставочный процесс доставляет массу удовольствия — и подготовка к выставке, и, конечно, кульминация — ее открытие. Безграничное счастье, я объективно говорю, не шучу. Где-то слышал, что коллекционеры живут дольше, чем остальные люди. Думаю, это так и есть: у коллекционеров гораздо больше праздников, чем у обычных людей, дополнительно пять-шесть счастливых дней в году — это очень важно! (Смеется.)

— Что вы думаете о культурно-выставочной жизни Петербурга? Ощущаете себя ее частью или хотите что-то ей противопоставить?

— Без сомнения, наш музей я считаю уже частью, и достаточно важной, культуры этого города. Другое дело, что меня не все устраивает. Что до противопоставлений — я не тот человек, который любит себя противопоставлять, мне не по душе крайности. У меня есть своя позиция, в некоторых вещах очень жесткая, не всегда она схожа с официальной позицией нашего руководства, но я всегда готов к дискуссии, к обсуждению. Чего мне в петербургском культурном пространстве не хватает? Вот взять Москву: там подготовка любого проекта, имеющего отношение к современному искусству, — это вопрос инстанционный. Достаточно просто обратиться в нужную инстанцию, там вполне креативные люди независимо, без оглядки на вышестоящее начальство принимают все решения. А здесь все думают о том, что скажут наверху, здесь проблема системная. У нас тему современного искусства закрыли полностью, и не потому, что какие-то злые люди, а потому, что это хлопотно.

— Хлопотно — потому что не выработаны критерии, потому что непонятно, как к тому или иному явлению относиться?

— Нет, просто потому, что хлопотно. Современное искусство отражает чаяния сегодняшних людей, их взгляды, мировоззрение. Не всегда взгляды всех групп людей могут нравиться власти. Власти легче закрыть всё, чем вступить в диалог.

НАМ НАДО ВОЗВРАЩАТЬСЯ

— Недавно были довольно громкие и неприятные истории с эрмитажной выставкой братьев Чепмен, на которую «жаловались», и выставкой «Icons», которая вообще открылась только со второй попытки...

— Честно говоря, я в шоке. Собралась некая группа людей, послали какие-то заявления в прокуратуру о проекте Чепменов, прокуратура пошла почему-то это проверять, ничего не нашла фашистского, ничего антирелигиозного... ничего не нашла. Дело не в том, что ничего не нашли, а в том, что пошли проверять! Эрмитаж прав, проект хороший, антифашистский, но власть вообще никак не отреагировала, чтобы другим неповядно было! Мы позорим себя на весь мир. И так мы выпадаем из мировой арт-сцены, нас эти семьдесят-восемьдесят лет стояния на месте выбили из мировых процессов. Нам надо возвращаться. Мы были на самой верхушке один момент, это первый наш авангард, мы создали беспредметное искусство. Мы были в самой колее, а сегодня нас Запад в упор не видит, никто не знает русских художников.

— Но часто приходится слышать такое мнение: Запад не замечает русских художников не потому, что они плохи, а просто западным художникам не нужна конкуренция...

— Есть большие индийские художники, есть большие китайские художники, африканские, латиноамериканские, и на Западе их видят. Против России и русских художников никакой «войны» нет, отно-

Об открывшейся в Новом музее выставке осетинских художников «Окрыленный всадник» читайте в «ВП» за 13 мая.

шение очень доброжелательное, это мое мнение. Просто знаю, что нам пока чего-то не хватает.

— По-вашему, нонконформизм 1960 — 1980-х не был явлением мирового уровня?

— Попробую ответить. В мире искусства происходят определенные процессы. У нас была закрытая страна, но, как ни удивительно, нонконформисты развивались в том же направлении, что и мировое искусство. Но накладывалась опреде-

ленная специфика: не хватало денег, не хватало материалов, не было возможности видеть лучшие образцы. Нонконформизм как явление для нас важен даже не с точки зрения искусства, а с точки зрения психологии — как жизнь ни задавливай, она все равно развивается по одним и тем же законам и в этом плане требует отдельного изучения.

У меня такое ощущение, что мы этот разрыв в ближайшее время не преодолеем. Вот были большие нонконформисты. Они были абсолютно свободны, причем речь не о политической свободе — в головах была свобода. На современных художников влияние андерграунда настолько сильное, что они не могут выйти из-под него, до конца не могут освободить головы. Свобода для художника — это самый главный вопрос. Еще раз повторяю, не о политической свободе речь.

— А откуда им теперь ее взять? Раньше художники уходили в кочегарки и им было все равно, купят у них картины или нет, а сейчас художник зависит еще и от арт-рынка...

— Да, к сожалению, художник зависит много от чего. Вот когда мы освободимся...

— Вы верите в это?

— Да, верю. У нас много талантливых людей. Изобразительное искусство в России XIX века отставало от западного: и академисты, и передвижники — все это у нас появлялось позже. И вдруг мы создаем целое направление — авангард, вроде ни на что не опираясь, вроде даже отрицая все предшествующее, хотя это не совсем так. Почему не представить, что это может повториться?

— Вы решили отметить трехлетие музея выставкой осетинских художников...

— Когда три года назад я создавал свой музей, у меня были две грандиозные задумки: это выставка выдающегося Михнова-Войтенко и выставка осетинских художников. Но если выставку Михнова-Войтенко мне удалось осуществить очень быстро, я был хорошо знаком с его творчеством, то идею с выставкой осетинских художников я вынашивал долго. И вот наконец я считаю, что готов представить вниманию искушенной петербургской публики работы своих земляков, и надеюсь, что она оценит их.

Фото предоставлено Новым музеем